Научная статья

УДК 172.13:159.9.072 + 323.1(476) + 316.285 + 316.4.057:342.843

doi 10.15826/tetm.2021.2.016

Моральная проработка коллективной травмы (на материале белорусского* протеста 2020–2021 гг.)

Елена Валериевна Беляева

Беларусский государственный университет, Минск, Беларусь

bksisa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0726-9542>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению коллективной травмы белорусского общества, полученной в ходе общественных протестов против фальсификации президентских выборов 2020–2021 гг., и ее моральной проработки, которая происходит вне зависимости от политического развития событий. Моральная проработка травмы направлена на восстановление нравственных ценностей и социальных практик их реализации. К таким ценностям относятся абсолютная ценность человеческой жизни, правдивость, ненасилие, солидарность, бесстрашие, справедливость, доверие. Заранее создаются нарративы и интерпретации, делающие возможными последующие модели примирения, реализующие позитивную ответственность за прошлое, настоящее и будущее своей страны.

Ключевые слова: коллективная травма, историческая травма, моральная травма, проработка травмы, протесты в Беларуси — 2020

Для цитирования: Беляева Е. В. Моральная проработка коллективной травмы (на материале белорусского протеста 2020–2021 гг.) // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 2. С. 80–86. <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.016>

Original article

Moral Elaboration of Collective Trauma (Based on the Belarusian Protest 2020–2021)

Elena V. Belyaeva

Belarusian State University, Minsk, Belarus

bksisa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0726-9542>

Abstract. The article is devoted to comprehending the collective trauma of the Belarusian society, received during public protests against the falsification of the presidential elections in 2020–2021, and its moral elaboration, which takes place regardless of the political development of events. Moral study of the trauma is aimed at restoring moral values and social practices of their implementation. These values include: the absolute value of human life, truthfulness, non-violence, solidarity, fearlessness, justice, trust. Narratives and interpretations are created in advance, making possible subsequent models of reconciliation, realizing positive responsibility for the past, present and future of their country.

* Написание приводится в авторской редакции.

© Беляева Е. В., 2021

Keywords: collective trauma, historical trauma, moral trauma, trauma study, protests in Belarus — 2020

For citation: Belyaeva, E. V. (2021). Moral'naya prarabotka kollektivnoi travmy (na materiale belarusskogo protesta 2020–2021 gg.) [Moral Elaboration of Collective Trauma (Based on the Belarusian Protest 2020–2021)]. *Tempus et Memoria*, 2, 2, 80–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.016>

Проблематика исторической (социальной, коллективной, культурной) травмы весьма актуальна. В современном мире возник чуть ли не «культ травмы», когда каждый народ или сообщество стремятся заявить о своей «травмированности» с целью предъявить претензии обидчикам и получить соответствующую «компенсацию». Кроме того, исторический процесс в целом носит травматический характер, ибо приводит к переменам, разрушающим прежний образ жизни. Об этом говорит П. Штомпка, характеризуя любое социальное изменение как травму [Штомпка]. При этом переживание события как «травмирующего» сильно зависит от интерпретации событий субъектами исторического процесса, которые могут воспринимать нечто как травму или отрицать и не проговаривать ее наличие. Ситуации же, безусловно претендующие на статус травматического события, связаны в основном с насилием, выходящим за границы приемлемого для данного общества.

В 2020 г. в Республике Беларусь начались широкомасштабные протесты против фальсификации президентских выборов, реакцией на которые стало непропорциональное насилие и чрезвычайные репрессии против мирного гражданского населения, против любых форм проявления протеста и институций гражданского общества [Протесты в Беларуси]. Количество напрямую пострадавших в отношении к числу избирателей превысило 0,5 % (в процентном отношении больше, чем в Германии 1933 г. и в СССР 1937 г.). Коллективная травма переживаемого насилия и беззакония охватила не только непосредственных участников протестных действий, их семьи и знакомых, но и тех, кто как будто впервые узнал и ужаснулся природе государственной власти в стране, которую считал своей. Как пишет С. Ушакин, «травмирующим оказывается тщетность попыток сформулировать приемлемые причины этого неожиданного разрыва ткани социальной жизни» [Ушакин, 8]. Реакция на репрессии оказалась сильной по причине

не только их массовости, затронувшей все слои общества, все профессиональные и возрастные группы, но их несправедливости, проистекающей из нарушения законов теми органами, которые призваны их охранять. Понимание травмирующего характера произошедших событий присуще даже провластной стороне, внезапно обнаружившей огромное количество протестующих, ходящих под ненавистными бело-красно-белыми флагами и наделяемых безнравственными качествами. Картина стабильности в «мирной процветающей Беларуси» рухнула, общество получило коллективную травму, концептуализация которой в терминах этики является целью данной статьи.

А. А. Аникин и О. В. Головашина, следуя сложившейся научной традиции, определяют коллективную травму как «комплекс психологических ощущений, возникающий у очевидцев или участников определенного трагического события и являющийся общим, но при этом в полной мере непередаваемым опытом не просто выживания, но и последующего переживания данной ситуации» [Аникин, Головашина, 80]. Между тем хотелось бы расширить это определение и говорить не о психологических ощущениях, а о комплексе переживаний, под которыми понимается «процесс осознания субъектом некоторого явления действительности как события собственной жизни и последующее его отражение в сознании» [Переживание]. Такой процесс не сводится к ощущениям, эмоциям и вообще психологическим состояниям, но состоит в деятельном *переживании* некоторого опыта в его феноменологической полноте. Кроме того, при анализе коллективной травмы важно учитывать, что именно травмировало в произошедшем. Как отмечает В. Н. Сыров, «причиной может быть не само событие, как оно традиционно понимается (война, к примеру), а его некоторые аспекты или следствия» [Сыров, 70]. В белорусской истории главным таким аспектом оказался моральный.

Коллективная моральная травма, переживаемая белорусским обществом, сопровождается эмоциями возмущения, гнева, отчаяния, но не определяется ими. Эти эмоции могут возникать при любом содержательном наполнении травмы, моральной ее делают страдания от попрания нравственных норм и ценностей. «В условиях белорусского авторитаризма, — пишет Т. В. Щитцова, — препятствием для актуализации и развития демократической политической жизни было в первую очередь морально-этическое непризнание ценности свободы и мнения рядовых граждан, неуважение к позиции Другого и в конечном счете — к лицу, к личности» [Щитцова]. А в период нынешнего политического кризиса к этому прибавилось попрание правды и справедливости, прямое глумление над законом и моралью. Поскольку базовой нравственной реакцией на нарушение нормы является моральное осуждение, именно оно сплотило людей в ходе протестов-2020.

Власть была осуждена морально, в качестве ее пороков были названы лживость, несправедливость, насилие и хамство. Каждому из этих негативных нравственных качеств можно дать определение и поставить ему в соответствие конкретные действия, а контент-анализ высказываний в социальных сетях и журналистике показывает высокую частотность употребления именно этих терминов при характеристике поведения властей. Так белорусский протест-2020–2021 оформился как моральный протест, что обеспечивает его массовость, длительность и сплоченность, несмотря на политические и тактические противоречия в среде протестующих. Поэтому все попытки придать событиям политическую и геополитическую интерпретацию, предпринимаемые властью, расцениваются как подмена повестки. Наставив на моральном дискурсе интерпретации событий, белорусское общество, не дожидаясь разрешения политического кризиса, перешло к проработке своей моральной травмы этическими же средствами, чтобы уже сейчас задать стратегии принятия своего «неудобного прошлого». Как показывает Н. Эппле [Эппле], нужно перейти от «не забудем, не простим» — к «забудем, перевернем страницу» — к «помнить, знать, осудить, простить» — к «принять ответственность за собственное прошлое». Возможно, в этом вопросе желаемое несколько

выдается за действительное, однако наработки интеллектуалов и духовный опыт участников никогда не пропадают зря.

В научной литературе различаются такие способы переживания травмы, как разыгрывание и проработка, которые восходят к работам Ла Капра [La Capra]. Если первый состоит в постоянном возвращении к травмирующей ситуации и консервации ситуации утраты смысла, то проработка предполагает «работу скорби», позволяющую как человеку, так и сообществу перейти в обновленное состояние. Д. Александер указывает на несколько основных форм институализации культурной травмы (среди которых есть религиозная, эстетическая, юридическая, научная, политическая) [Александер, 285–288], но не упоминает среди них моральную. Несмотря на неинституциональность моральной регуляции, ей свойственно производить свой нарратив, и, поскольку моральный дискурс включен в функционирование всех других институтов общества, порождать определенные инструменты институционального регулирования. Поэтому представляется возможным прорабатывать коллективную травму и в моральных категориях, тем более когда сама травма носит по преимуществу моральный характер. Соответственно наряду с психологическим и социологическим направлениями исследования травмы [Аникин] полезен и этический подход к ее осмыслению. Специфика институализации травматического дискурса в моральной сфере заключается в возвращении смысла моральным понятиям, формировании собственного корпуса моральных ценностей, выработке социальных практик и институций для реализации нового морального проекта. Проработка травмы, как отмечает А. Браточкин, «связана именно с переосмыслением ситуации, разрушением стереотипов и созданием “новой” реальности» [Браточкин]. Протестная сторона изначально строила свои рассуждения исходя из логики большинства и перспективы построения будущего общества.

С абстрактно-этической точки зрения моральную травму попрания фундаментальных нравственных ценностей можно залечить только восстановлением значимости этих ценностей в социальной реальности. Однако для этого в первую очередь необходимо признание властью и ее конкретными представителями

самых фактов преступлений против человечности, попрания прав человека, гуманности и справедливости. В публичном пространстве этого не происходит. Однако для того, чтобы такое признание когда-либо стало возможным, свидетельства участников событий целенаправленно собираются с самого начала событий. Доказательства применения пыток представлены в ООН, личные истории пострадавших документируются, ведутся личные блоги, видеоматериалы упорядочиваются и архивируются. В эпоху электронных коммуникаций существует скорее избыток, чем недостаток доказательств. Несмотря на «информационный пузырь», в котором находятся потребители государственных СМИ, не знать о репрессиях нельзя (хотя можно преуменьшать их размах и верить в преступный характер действий протестующих).

Другая составляющая восстановления значимости моральных ценностей — это проработка их смысла. Борьба за содержательное наполнение и интерпретацию этического словаря является неотъемлемой и важнейшей частью протеста. Хотя в провластных речах заявляются такие ценности, как патриотизм, народное единство, порядок, суверенитет, семейные ценности, в них постоянно происходит подмена морального дискурса его имитацией. Главный признак имитации — это не только несоответствие провозглашаемого действительности, но и отсутствие самоорганизующегося субъекта данного дискурса, взамен которого функционирует авторитарный политический субъект, предписывающий ценности другим, но не нуждающийся в них сам. Протестный же моральный дискурс сосредоточен именно на разработке содержания ценностей и производится субъектами для самих себя. В нем патриотизм предполагает приверженность не абстрактной Родине, а демократическому социально-политическому устройству. Народное единство — это не единство вокруг власти (которая, словно в насмешку, объявила 2021 год «годом народного единства»). В реальности народное единство может быть основано на солидарности, достигнутой в социальном взаимодействии. Порядок должен строиться на основе справедливости; и даже семейные ценности состоят в ответственном родительстве и дружбе членов семьи, а не в традиционном абьюзе. Так в протестном моральном

дискурсе даже ценности из провластного списка наполняются собственным смыслом и функционируют благодаря заинтересованным моральным субъектам. Наряду с этим протест выработал собственный комплекс нравственных установок.

Сравнивая социологические данные 2017 и 2020 гг., И. В. Лашук показала, что «произошел серьезный рост значимости общечеловеческой группы ценностей», «устойчивым интегрирующим ядром базовых ценностей белорусского общества являются жизнь человека и порядок. Признание ценности и неприкосновенности человеческой жизни занимает доминирующую позицию в иерархии базовых ценностей белорусов. Высокий уровень поддержки ценности порядка свидетельствует о большой значимости для белорусского общества организации социальных отношений, сформированных на основе соблюдения установленных законов и норм. Однако средства их достижения изменились за счет повышения нравственного выбора, выражающегося в возможности помочь нуждающимся даже в ущерб себе» [Лашук, 90–91]. А среди инструментальных ценностей белорусов появилась жертвенность.

Важнейшей характеристикой белорусского протеста стала вовлеченность в него людей всех социальных групп: всех возрастов, профессий, вероисповеданий, уровней благосостояния и регионов проживания. Объединяют выступающих против власти моральные ценности, ставшие предметом личного морального выбора. Ценность правды, ненасилия, бесстрашия, справедливости, солидарности, доверия были практически опробованы участниками маршей, цепочек солидарности, авторами коллективных видеообращений, петиций, дворовых чаепитий, концертов, лекций и множества других акций. Вся эта деятельность имеет естественную проекцию в сети электронных коммуникаций, позволяя образовать многообразные горизонтальные связи в социуме. В результате общество сумело осознать свою способность взаимодействовать и решать социальные проблемы помимо государства и, несмотря на репрессии, направленные на системное уничтожение всех неподконтрольных государству институций и проявлений активности, продолжает ощущать свою взаимосвязь. Важнейшим способом ее

поддержания и актуализации является солидарность, проявляемая не только в публичном пространстве, но на конкретном межличностном уровне: человек, подвергшийся преследованиям, не остается в социальной изоляции.

Отличительной и последовательно реализуемой нравственной ценностью протеста стало ненасилие. С одной стороны, надо признать, что невооруженное население и не могло оказать серьезного сопротивления профессионально подготовленному ОМОНу, а с другой — порча имущества милиционеров, оскорбления и угрозы в их адрес имели место. Однако в целом многодневные сотысячные марши были мирными, и то, что мирные акции не принесли политических результатов, не заставило ни идеологов, ни участников сменить тактику.

При этом любопытно, что этическая программа протестующих, являясь ненасильственной, не использует напрямую идеи «этики ненасилия» М. Ганди или М. Л. Кинга. Блогер С. Витковский пишет: «Беларусское протестное движение 2020 г. было кантианским по своей сути. Оно признало человека высшей ценностью, неизменным абсолютом, а также подчеркнуло свой мирный характер. Ввиду этого сочетания абсолютности и выбора создается связь с кантианством. В прошлом году беларусское общество было самым заметным коллективным кантианцем в мире» [Витковский]. Удивительным образом беларусский протест опирается на идеи Просвещения: об отдельном человеке как носителе всей полноты человеческих способностей, об обществе как союзе разумных и моральных индивидов, самостоятельно решающих свою судьбу, о политике как деятельности граждан, совершающих моральный выбор. Даже по этим признакам первоначальная классификация беларусских событий как «цветной революции» является неверной. «Цветные революции» рассматриваются как феномен постмодерной культуры, инспирированный политической теорией «управляемого хаоса» с использованием электронных СМИ и социальных сетей. Беларусский же протест имеет признаки скорее метамодерна, представляет собой попытку продемонстрировать миру возможность переустроить общество, сочетая в динамике постмодерные черты экономической и социальной структуры с современными чертами в морали и культуре.

Важнейший элемент проработки любой коллективной травмы — принятие ответственности за прошлое. Уже сейчас границы ответственности устанавливаются не только для виновников травмы (люстрации, законные справедливые наказания). Активно формируется представление о позитивной ответственности людей, взявших свою судьбу и судьбу страны в свои руки. Такая нравственная установка заранее ориентирует на то, что причину полученной травмы нельзя экстернализовать, видеть ее только в «диктаторе» и его «прикорытниках». Власть перекладывает вину за происходящее исключительно на «враждебные Беларуси силы, не желающие стране добра», проводит политику разделения и демонизирует протестующих, объявляя их «лишними» для страны людьми. Протестный же дискурс включает своих политических противников в будущую картину мира, предполагая возможность восстановления их моральной субъектности в результате избавления от страха и демонстрации образцов нравственного поведения, продумываются стратегии их реинтеграции на основе закона и морали. Уже сейчас возникает тема об ответственности каждого, включенного в исторический процесс. Не только о конкретной вине тех, кто применял непропорциональное насилие и выносил несправедливые приговоры, но именно о том, что возрожденная нация должна будет включить опыт авторитаризма в контекст своих представлений о себе.

При переживании коллективной травмы обычно происходит поиск параллелей между текущими событиями и предыдущими историческими травмами данного общества. В случае Беларуси таким архетипом стали образы Великой Отечественной войны: героической борьбы с оккупантами и страданий народа от карателей. Эти ассоциации говорят не только о природе нынешней трагедии, но и о характере исторической памяти беларусов. В ситуации очередного государственного насилия в первую очередь актуализировались не воспоминания о сталинских репрессиях, а память об оккупационном насилии фашистских захватчиков. Советский террор беларусами также во многом воспринимался как внешний, в особенности в период присоединения Западной Беларуси. Так что в протестной публицистике власть

регулярно характеризуется как оккупационная, а ее силовые органы — как карательные. Кроме того, на определенном этапе переживания трагического характера событий привело к четкому отделению добра от зла, и в сознании христианской нации всплыл образ первых христиан-мучеников, ненасильственно противостоящих безбожной государственной власти.

Между тем наряду с образом жертв, страдания которых нужно помнить, присутствует образ героев, мужественная борьба которых вызывает восхищение и постоянное напоминание всем беларусам о том, что они «невероятные» (мем Марии Колесниковой). В последнем случае подразумевается не только невиданная прежде способность к протесту, не только фантастическая креативность людей протеста в области культурной деятельности, но и особое нравственное качество «настоящего беларуса». Отсюда мемы: «беларусы — котики», «беларус беларусу беларус», «беларусы — хорошие люди». Так новая идентичность беларусов заявляется как нравственная идентичность. Неучастие в акциях протеста, негеополитический выбор, небеларусский язык, неэкономические требования объединяют страну. Нравственность объединяет людей ценностей в противовес людям голой силы. Неоднократно отмечалось, что люди протеста добры, убычивы, радостны, несмотря ни на что.

В результате проработка моральной травмы фундаментальным образом трансформирует идентичность беларусов, но не негативно, а позитивно, она способствует нравственной рефлексии, сознательному созданию корпуса ценностей новой Беларуси. К ним относится идея нации, основанной на демократическом патриотизме как нравственной ценности; законности, основанной на справедливости как нравственной ценности и собственно нравственной идентичности, состоящей в том, что

беларусы — это нравственное сообщество. Как отмечает А. А. Линченко, в рационализации ценностной сферы исторической культуры — залог последующей ее детравматизации [Линченко]. Проработка же исторической травмы в моральных категориях позволяет рационализировать ее не в холодной аналитике рассудка, свойственной философии истории, а в нравственности как «разуме сердца».

Таким образом, действиями государственной власти в 2020–2021 гг. беларусскому обществу была нанесена тяжелейшая моральная травма, состоящая в разрушении фундаментальных нравственных ценностей (правды, справедливости, ненасилия, человеческой жизни), усугубленная отрицанием факта травмы. Произошла безвозвратная утрата уважения к нынешнему типу государства и к тому псевдоморальному дискурсу, который оно транслирует. Беларусское общество, не дожидаясь политического разрешения кризиса, занялось сбором историй очевидцев и участников событий, накапливая свидетельства не только индивидуальной, но и коллективной травмы. Вне зависимости от развития политических событий общество предпринимает попытки моральной проработки этой травмы, направленной на восстановление нравственных ценностей и социальных практик их реализации. К таким ценностям относятся абсолютная ценность человеческой жизни, правдивость, ненасилие, солидарность, бесстрашие, справедливость, доверие. Заранее создаются нарративы и интерпретации, делающие возможными последующие модели примирения. Если представители власти последовательно избегают признания вины за воцарившееся в обществе социальное напряжение, то протестная часть общества мыслит ситуацию в категориях позитивной ответственности за прошлое, настоящее и будущее своей страны.

Список источников

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М. : Праксис, 2013. 640 с.
- Аникин Д. А. Травматизация прошлого: методология исследования и основные подходы // *Studia Humanitatis: Международ. электрон. науч. журн.* 2018. № 4. URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-proshlogo-metodologiya-issledovaniya-i-osnovnye-podhody> (дата обращения: 24.04.2021).
- Аникин Д. А., Головашина О. В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // *Вестн. Том. гос. ун-та.* 2017. № 425. С. 78–84.
- Браточкин А. Культурная травма и медиа // *Гефтер*. URL: <http://gefter.ru/archive/15301> (дата обращения: 11.04.2021).

- Витковский С. Facebook. URL: <https://www.facebook.com/DeadChopin> (дата обращения: 11.04.2021).
- Лащук И. В. Ценностная трансформация современного белорусского общества (по результатам социологических исследований) // Социология. 2021. № 1. С. 90–99.
- Линченко А. А. Историческое сознание и стратегии детравматизации исторической культуры в современном мире // Studia Humanitatis. 2019. № 4. URL: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/linchenko_1.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
- Переживание // Глоссарий. Психологический словарь. URL: <https://bit.ly/3dQsxoN> (дата обращения: 02.05.2021).
- Протесты в Белоруссии (2020–2021) // Википедия. URL: <https://bit.ly/3aGVWQi> (дата обращения: 30.03.2021).
- Сыров В. Н. К проблеме изучения травмы: опыт одного анализа // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 435. С. 66–74.
- Ушакин С. «Нам этой болью дышать?»: О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М. : НЛО, 2009. С. 5–41.
- Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 6–16.
- Щитцова Т. В. Политический антагонизм в Беларуси и условия его преодоления // Наше мнение. URL: https://nmnby.eu/news/analytics/7349.html?fbclid=IwAR3XES9tr9IW2yr4L65iETEV2OrCAWEJMVe89S2_gR50S_hAR6xdinkPUmo (дата обращения: 30.03.2021).
- Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 576 с.
- La Capra D. History and Its Limits. Human, Animal, Violence. Ithaca and London : Cornell University press, 2009. 248 p.

References

- Aleksander, Dzh. (2013). *Smysly sotsial'noy zhizni: kul'tursotsiologiya* [The meanings of social life: cultural sociology]. M.: Praxis. 640 s.
- Anikin, D. A. (2018). Travmatizatsiya proshlogo: metodologiya issledovaniya i osnovnyye podkhody [Traumatization of the past: research methodology and basic approaches]. *Studia Humanitatis*, 4. URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizatsiya-proshlogo-metodologiya-issledovaniya-i-osnovnye-podhody> (mode of access: 24.04.2021).
- Anikin, D. A., Golovashina, O. V. (2017). Travmy kul'turnoy pamyati: kontseptual'nyy analiz i metodologicheskiye osnovaniya issledovaniya [Traumas of cultural memory: conceptual analysis and methodological foundations of the study]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 425, 78–84.
- Bratochkin, A. Kul'turnaya travma i media [Cultural trauma and media]. *Gefter*. URL: <http://gefter.ru/archive/15301> (mode of access: 11.04.2021).
- Epple, N. (2020). *Neudobnoye proshloye. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past. Memory of state crimes in Russia and other countries]. M.: Novoye lit. obozreniye. 576 s.
- La Capra, D. (2009). *History and Its Limits. Human, Animal, Violence*. Ithaca and London: Cornell University press. 248 p.
- Lashuk, I. V. (2021). Tsennostnaya transformatsiya sovremennogo belorusskogo obshchestva (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Value transformation of modern Belarusian society (based on the results of sociological research)]. *Sotsiologiya*, 1, 90–99.
- Linenko, A. A. (2019). Istoricheskoye soznaniye i strategii detravmatizatsii istoricheskoy kul'tury v sovremennom mire [Historical consciousness and strategies of detraumatization of historical culture in the modern world]. *Studia Humanitatis*, 4. URL: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/linchenko_1.pdf (mode of access: 02.05.2021).
- Perezhivaniye. *Glossariy*. Psikhologicheskii slovar'. URL: <https://bit.ly/3dQsxoN> (mode of access: 02.05.2021).
- Protesty v Belorussii (2020–2021). *Vikipediya*. URL: <https://bit.ly/3aGVWQi> (mode of access: 30.03.2021).
- Shchittsova, T. V. Politicheskii antagonizm v Belarusi i usloviya yego preodoleniya [Political antagonism in Belarus and the conditions for overcoming it]. *Nashe mneniye*. URL: https://nmnby.eu/news/analytics/7349.html?fbclid=IwAR3XES9tr9IW2yr4L65iETEV2OrCAWEJMVe89S2_gR50S_hAR6xdinkPUmo (mode of access: 30.03.2021).
- Shtompka, P. (2001). Sotsial'nyye izmeneniya kak travma [Social changes as trauma]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1, 6–16.
- Syrov, V. N. (2018). K probleme izucheniya travmy: opyt odnogo analiza [On the problem of studying trauma: the experience of one analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 435, 66–74.
- Ushakin, S. (2009). «Nam etoy bol'yu dyshat'». O travme, pamyati i soobshchestvakh [“Should we breathe this pain?” About trauma, memory and communities]. *Travma: punkty / pod red. S. Ushakina, Ye. Trubinoy*. M.: NLO, 5–41.
- Vitkovskiy, S. Facebook. URL: <https://www.facebook.com/DeadChopin> (mode of access: 11.04.2021).

Сведения об авторе

Беляева Елена Валериевна — доктор философских наук, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь

Information about the author

Elena V. Belyaeva — Doct. Sci. (Philosophy), Associate Professor Belarusian State University, Minsk, Belarus

Статья поступила в редакцию 15.07.2021;
одобрена после рецензирования 31.08.2021;
принята к публикации 15.09.2021

The article was submitted 15.07.2021;
approved after reviewing 31.08.2021;
accepted for publication 15.09.2021